

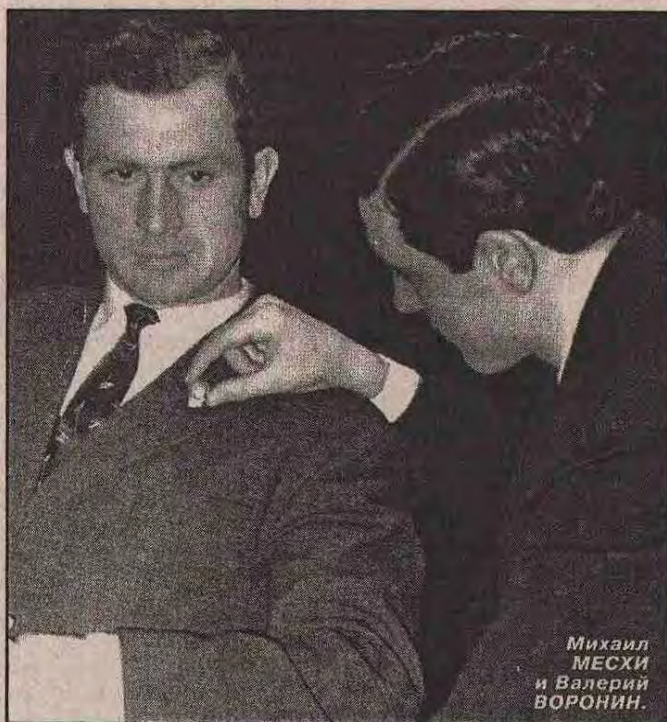
ОН ВСЕГДА ИГРАЛ ПОД АПЛОДИСМЕНТЫ

В 1984 году спортивная общественность Грузии намеревалась торжественно отметить двадцатилетие первой победы тбилисского «Динамо» в чемпионатах СССР. В связи с этим газета «Лело» предложила мне взять интервью у ведущих футболистов чемпионского состава. Первым в списке значился бесподобный Михаил Месхи, один из лучших левых крайних не только советского, но и мирового футбола, чья блестящая игра в Буэнос-Айресе во время турне сборной СССР по Южной Америке в 1961 году привела в восторг 120 тысяч аргентинцев. «Грузинский Гарринча», «Спутник», «Дьявольский дриблер» — вот далеко не полный перечень эпитетов в адрес Месхи, пестревших на страницах аргентинских газет.

Готовясь к интервью, я немало времени провел в бесплодных поисках печатных публикаций о будущем собеседнике, и по истечении вторых суток наткнулся на небольшую заметку Мартына Мерджанова, прекратившую мои страдания. В них первый редактор «Футбола» назвал Месхи великим молчуном, предупреждал о тщетности попыток вступать с левым крайним в откровенные беседы. Зато тех, кому удалось разговорить Месхи, ждало, по словам Мерджанова, море удовольствий. К сожалению, подробных инструкций о том, как это сделать, в заметке не содержалось.

Оптимизма эта информация мне не прибавила, но и рук я не опустил. Тут же возникла идея составить грандиозную таблицу, отражающую творческий путь Месхи в цифрах и фактах. Ею-то я и собирался отомкнуть таинственную душу футболиста. Получится — хорошо, нет — с помощью цифр (а они показались мне весьма любопытными) попытаюсь сам создать портрет Мастера. Задание-то выполнять надо.

И вот я с огромным листом ватмана, свернутого в трубку, отправился на спор-

Михаил
МЕСХИ
и Валерий
ВОРОНИН.

тивную базу Дигоми, где Месхи руководил футбольным интернатом «Аваза». Уже на подходе к административному зданию вижу непривычно одинокую фигуру Месхи. Представляюсь и робко так вопрошаю: «Можно взять у вас интервью?» «Не можно, а нужно», — с нескрываемой ноткой грусти ответил давно уже успевший отвыкнуть от повышенного к себе внимания футболист.

Через мгновение мы уже в просторном директорском кабинете, и я немедленно выкладываю на зеленое сукно свой

главный (и единственный) козырь. Эффект домашней заготовки превзошел самые оптимистичные надежды. Совершенно ошеломленный от вида развернувшейся перед ним панорамы, Месхи долго изучал строгие и стройные колонны цифр, пытался расшифровать условные обозначения, когда это не удавалось, задавал вопросы... Наверное, со стороны нас можно было принять за склонившихся над картой военных действий полководцев, разрабатывающих план генерального сражения.

Раскрывшаяся перед взором вся футбольная жизнь привела Месхи в состояние необычайного волнения. Он вновь был там, на поле, и под неопишуемый шум трибун рвался к воротам, финтил, пасовал, забивал...

Сам, не дожидаясь вопросов, рассказывал, вспоминал... Казалось, он давно уже ждал случая, чтобы выплеснуть наружу все, что накопилось за долгие годы. Его живой, эмоциональный рассказ был обильно приправлен шутками, довольно своеобразными.

Сразу после выхода номера я с пачкой газет отправился к Месхи домой. Спящий хозяин, уже успевший ознакомиться с публикацией и принять несколько поздравительных звонков, с деланным равнодушием спросил: «Кто следующий?» «Метревели, — отвечаю. — Не можете отыскать его?» — «О чем речь, дорогой. Он тут недалеко забегаловкой (на самом деле — рестораном. — А.В.) заведует. Зачем откладывать, сейчас же едем. Мы там такое интервью организуем, долго потом вспоминать будете». В слово «интервью» он явно вкладывал смысл, весьма далекий от первоначального.

Как только проявились контуры интересующего нас объекта, Месхи предупредил: «У Метревели такие кебабы делают, что их и собаки не едят. Только вы ему об этом не говорите. Обидится. Каждый раз, когда бываю у него, по две-три порции кушать приходится. Это ужасно. Страдаю и ем. Что делать, не хочется расстраивать друга». Не имея должного опыта общения с Месхи, принимаю сказанное за чистую монету. Впрочем, проверить качество кебабов не удалось из-за отсутствия хозяина.

Когда я перенес запись беседы с Месхи на бумагу, оказалось, что заказанный редакцией объем превышен втрое. И это при том, что некоторые фрагменты, обреченные остаться за бортом из-за цензурных рогаток, я в материал не включил. Напомню, шел 1984 год, и перестроечные ветры не коснулись еще затхлой постзастойной атмосферы. А совершенно безобидный по сегодняшним меркам вопрос: «Вы все еще верите газетам?» — мог стоить редактору кресла.

Пришлось сокращать. Многие из того, что я услышал от Месхи, в газету не попало (и это несмотря на то, что редактор «Лело» Ачико Гогелия, обаятельнейший человек и прекрасный журналист, опубликовал интервью в двух номерах).

Сегодня есть возможность почти полностью воспроизвести запись той беседы. Вероятно, взгляды на футбол знаменитого форварда вызовут неоднозначную реакцию, а его откровения о роли личности в футболе наверняка повергнут в шок весь тренерский цех.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

МЕСХИ Михаил Шалвович. 12.01.1937 — 1991. Нап. Змс. Выступал за «Динамо» (Тбилиси) — 1954 — 69, «Локомотив» (Тбилиси) — 1970. 284 матча, 54 гола в ч-тах СССР. Ч-н СССР 1964. 3-й призер 1959, 1962, 1967. В «33 лучших» — 7 раз (№ 1 — 6). В сб. СССР 36 матчей, 4 мяча (1959 — 66). Уч-к КЕ-60 (1-е место), ЧМ-62 (3 матча), ЧМ-66 (отб.). Работал тренером и директором специализированной детской футбольной школы Тбилиси. Награжден орденом «Знак Почета».

Доведись встретиться с Месхи сегодня, я бы сделал материал иначе. К чему, однако, досужие размышления. Что вышло, то вышло.

— **Беседу с нападающим, наверное, следует начинать с забитых мячей. Первый гол в чемпионатах вы забили 26 августа 1956 года в Тбилиси ленинградскому «Зениту» во втором тайме. Помните этот гол?**

— Он у меня и сейчас перед глазами. После розыгрыша штрафного мяч отскочил ко мне, и я низом пробил по воротам. И попал. Так был открыт счет. Помню, мы выиграли со счетом 4:0.

— **Вы верите в приметы?**

— Довольно неожиданный вопрос. В общем, не считаю себя суеверным. Почему вы об этом спрашиваете?

— **А вы послушайте. Первый гол вы забили в августе, в Тбилиси, «Зениту», во втором тайме. Подытожив ваши мячи, я обнаружил, что чаще всего вы забивали именно в августе — 15, именно в Тбилиси — 38 из пятидесяти четырех, именно «Зениту» — 8, и именно во вторых таймах — 36. Из восьми мячей «Зениту» — семь забиты во втором тайме и шесть — в Тбилиси. Я вас не очень утомил?**

— Нет, что вы, это довольно забавно.

— **Это еще не все. Из двух ваших хет-триков один сделан «Зениту», в августе, в Тбилиси, во втором тайме, в течение семи минут. Это, если мне не изменяет память, не только ваш личный рекорд скорострельности, но и рекорд тбилисского «Динамо».**

— С ума сойти можно. После этого действительно станешь суеверным. Только мне казалось, что больше я забил «Нефтьчи».

— **Бакинцам вы забили семь мячей и еще один в кубковом матче. С учетом этого мяча тоже получается восемь.**

— А кому я еще забивал?

— **По шесть — «Арарату», «Торпедо» и ростовскому СКА, по три — «Локомотиву» и «Пахтакору», по два — минскому «Динамо», «Кайрату», «Жальгирису» и еще девяти командам — по мячу. Вот только московскому «Динамо» и «Шахтеру» вы не забивали.**

— Вы ошибаетесь, «Шахтеру» я забил.

— **И даже два, но в кубковых матчах.**

— Это не имеет значения. Помню, что один из этих мя-

чей я забил на последней секунде дополнительного времени. Это был очень нужный гол. Мы выиграли со счетом 2:1 и вышли в финал, но судья Цаповецкий отнял у нас Кубок. Даже в «Правде» о его безобразном судействе писали. Какой толк? Кубок все равно остался у «Торпедо». После игры мы от обиды, как дети, плакали в раздевалке.

— **Это самое сильное потрясение, связанное с футболом?**

60-годы. Михаил МЕСХИ обходит защитника московского «Торпедо» Александра МЕДАКИНА.

— **Самое сильное испытал в детстве. Как и все мальчишки первых послевоенных лет, мы пинали все, что попадало под ноги. Хорошо набитый тряпичный мяч считался верхом совершенства. О кожаном мы и не мечтали. Но кто-то из ребят предложил собрать деньги на настоящий, кожаный, из тех, что в витринах спортивных магазинов красовались. Глядя на них, мы едва сознание не теряли.**

Больше полугодика пришлось экономить на школьных завтраках, мороженом, кино... Наконец деньги собрали. И вот мы, счастливые, идем с драгоценной ношей под завистливые взгляды сверстников. Когда вошли в свой двор, он был полон. Как ребята из соседних дворов и улицы узнали о нашей покупке, для меня и сейчас загадка. Каждому из них хотя бы раз хотелось ударить по настоящему мячу. Но счастье

длилось недолго. Через несколько дней случилось то, что должно было когда-то случиться: мы выбили окно у соседа с первого этажа. И врагу своему не пожелаю пережить то, что пришлось нам, мальчишкам, в следующую минуту, когда со страшными проклятиями выбежал из дома хозяин квартиры с налитыми кровью глазами и огромным кухонным ножом. На наших глазах он за несколько секунд разрезал мяч на несколько частей.

играл строго на месте левого крайнего и редко смещался в центр, за что меня неоднократно ругали. Так что выгодные моменты я создавал себе сам после обыгрыша одного, а то и нескольких защитников. Если бы мне удалось еще пару раз остаться наедине с Яшиным, я бы ему все-таки забил, но Кесарев не позволил. Он очень удачно играл против меня и за счет правильного выбора позиции, и потому, что он один из первых разгадал мои фокусы и

Поверите, несколько лет назад эту сцену я увидел во сне и так кричал, что разбудил жену. «Мишико, проснись, что случилось, тебя убивают?» — слышу сквозь сон ее голос. «Представляешь, этот негодяй снова порезал наш мяч». Она долго после этого смеялась, а я, заново пережив тот кошмар, так до утра и не сомкнул глаз.

— **А какой самый неприятный момент пришлось пережить уже будучи футболистом тбилисского «Динамо»?**

— Мне и сейчас становится не по себе, когда вспоминаю, как, получив мяч в идеальной позиции, в двух-трех метрах от ворот Яшина, я промахнулся. Лева был прекрасным вратарем, но подозреваю, что и гипнотизировать он умел неплохо.

— **Выходит, вы не забили ни одного гола московскому «Динамо» по вине Яшина?**

— Не совсем так. Я ведь

не поддавался на них, а в крайнем случае он применял и другие методы. В общем, тяжело мне было с ним.

— **Значит, Кесарев был самым труднопроходимым для вас защитником?**

— Самым трудным был, пожалуй, Володя Пономарев из ЦСКА. Он очень чисто и уверенно выполнял подкаты, и в основном за счет этого приема ему часто удавалось нейтрализовать меня. Иногда казалось — все, прошел. Но в последний момент он просовывал свою длинную ногу и аккуратно так, не касаясь меня, проталкивал мяч в аут. Настоящий был джентльмен и большой мастер.

— **Пора бы, наверное, и тему сменить. Ведь в жизни футболиста Михаила Месхи счастливых минут было куда больше.**

— Еще бы. В сборной — это финальный матч Кубка Европы 1960 года с югосла-

вами, после которого мы стали сильнейшими в Европе. В «Динамо» — дополнительный матч в Ташкенте с «Торпедо» в 1964 году, принесший нам первые золотые медали. Никогда в своей довольно долгой футбольной жизни подобного счастья не испытывал.

А лучший свой матч провел в 1961 году в Буэнос-Айресе против сборной Аргентины.

— Мне вспомнился рассказ журналиста Мартына Мерджанова, как после той игры Качалин попросил футболистов охарактеризовать действия своих соперников. Когда вас спросили о тактической особенностях игры защитника Симеоне, вы ответили: «Хватает за трусы». А на наших стадионах приходилось сталкиваться с подобной «тактикой»?

— И не раз. Однажды в Ереване Эдик Варданян, в всегда поспевавший за мной, схватил за майку и разорвал ее до основания. Сейчас мы с ним дружим, и каждый раз, когда я бываю в гостях у Эдика, друзья его интересуются, купил ли он мне новую майку.

— Это, наверное, не худший случай?

— Конечно. В основном приходилось беречь не столько спортивную форму, сколько ноги. Играем мы как-то в Киеве. Не успел я получить мяч, как тут же оказался на земле. Через несколько минут — то же самое. Смотрю на защитника с укоризной, а он подходит ко мне, смущенный такой, и говорит: «Извини, Миха, установку тренера выполняю. Потерпи один матч, а то меня в дубль переведут». Некоторые еще до игры предупреждали: «Ударю я тебя сегодня пару раз, ты уж не обижайся, войди в положение». Как футболист, я понимал их: не выполнишь установку — тут же отправят в дубль, и, может, надолго. Но как человек... Мы ведь часто друг с другом встречались, отношения вне поля были нормальные. Как же ты, думая, мамадазгли (в переводе с грузинского — сукин сын. — А.В.), после этого можешь так жестоко бить меня по ногам? Этих хоть совесть мучила...

— А что же судьи? Ведь на их глазах били игрока сборной.

— Это вы у них спросите. Я с судьями никогда не спорил и не конфликтовал.

— Позвольте, но 3 сентября 1963 года в Тбилиси, на

54-й минуте игры с бакинцами, вас удалили с поля.

— Да, было такое. Игравший против меня мощный защитник бакинцев Ахундов на протяжении всего матча вплоть до этой 54-й минуты, как только я получал мяч, бесцеремонно бил меня по ногам. В конце концов я не выдержал и ответил. Тут же подбежал судья и удалил меня с поля, а затем, немного подумав, выгнал и Ахундова. Ухожу, расстроенный, с поля. В это время догоняет меня Ахундов и говорит, улыбаясь: «Я сделал, что хотел: ни ты не играешь, ни я».

— Вернемся к воспоминаниям более приятным. Вы ведь наверняка забивали эффектные голы.

— Сначала я расскажу о самом нужном, самом важном для команды голе. Его я не променяю на все забитые мячи, в том числе и самые красивые. Это было в том самом ташкентском матче. В дополнительное время при счете 2:1 в нашу пользу Андреюк пытался отдать мяч вратарю. Делаю рывок, перехватываю передачу и под острым углом резаным обводным ударом посылаю мяч впритирку со штангой. После этого ни у меня, ни у ребят сомнений не стало — мы чемпионы!

Очень красивый гол забил я Маслаченко. Резко вышел на передачу и, не дав мячу опуститься, сильно пробил в угол. Этот гол понравился не только мне. Володя, поднявшись с земли, обнял и расцеловал меня. Но самый красивый гол забил в ворота сборной Чехословакии в первом своем матче за сборную СССР. Саша Иванов с правого фланга подавал угловой. Мяч, минуя всех игроков, столпившихся в штрафной площади, уходил за пределы поля. Я рванул и что есть силы ударил. Мяч влетел в дальний верхний угол. Так счет стал 2:0, а игру мы выиграли со счетом 3:1.

— Готовясь к встрече с вами, я обнаружил определенную закономерность. Забивает Месхи — выигрывает команда. В сборной вы забивали в четырех матчах, и во всех она победила. В тбилисском «Динамо» только в чемпионате вы забивали в 45 встречах. В 38 случаях динамовцы выигрвали, четыре завершили вничью, и только три раза голы Месхи не помогли команде. Выходит, ваша вдохновенная игра благотворно отражалась и на игре динамовцев?

— Вывод, в общем, верный. Не считите за нескромность, но, когда я был в ударе, и команда играла веселее.

— В Тбилиси вы забивали почти в три раза больше мячей, чем на выезде. Чем это можно объяснить?

— Проблем в выездных матчах всегда хватало. Это и климат непривычный, и качество полей, из-за чего мне трудно было играть, к примеру, в Куйбышеве и Кишиневе, а это для игроков быстрых и техничных фактор немаловажный. И еще я был очень чувствителен к поддержке трибун. Даже тренироваться любил при зрителях. Когда меня горячо поддерживали, будто крылья вырастали.

— В одном из таких матчей, с ереванским «Спартак», вы установили личный рекорд — четыре гола.

— Но были и исключения. Однажды меня вдохновили... свист своих болельщиков. После того рекордного матча мы проводили ответную встречу в Ереване и крупно проиграли. А следующая игра — в Тбилиси, с ростовским СКА. Как только мяч попадал ко мне, трибуны начинали оглушительно свистеть, будто я один проиграл тот матч. Такая язва злости. Ну, думаю, я заставлю вас сегодня аплодировать. Забил я тогда четыре мяча. Вы представить не можете, что творилось на стадионе.

— Почему же? Я находился среди зрителей, но, поверьте, не освистывал вас, потому что не умел этого делать. Вот только вы забивали тогда не четыре, а три гола, об этом и в газетах писали.

— Вы что, еще верите газетам? Очень хорошо помню, что забил четыре гола. Но мне в этом смысле не везло. Не помню уже, сколько раз после моих ударов мяч, едва задев защитников, влетал в ворота. Так было и в отборочном матче чемпионата мира с Уэльсом, и в нескольких играх первенства, и ни разу гол на мой счет не записали.

— Это не совсем так. Автоголы Манюшина и Страуме отнесены в ваш актив.

— Правда? И на том спасибо.

— И опять наступает черед густых вопросов. Она неизбежна: ведь в жизни Месхи-футболиста наступила пора прощаний. 20 апреля 1966 года в Базеле вы сыграли 36-й матч за сборную СССР. Кто мог тогда ду-

мать, что игра эта станет последней. Тогда ваши поклонники и болельщики сборной СССР не сомневались, что увидят вас на чемпионате мира в Англии. Что же случилось?

— После чилийского чемпионата сняли Гавриила Дмитриевича Качалина. С тех пор мне все время приходилось бороться за место в сборной. Я тогда постоянно входил в символические сборные Европы и мира, а Бескову и сменившему его Морозову не подходил. Мне со всех сторон твердили: хочешь попасть в сборную — играй, как Хусаинов. Я не мог понять, почему сборной нужны одинаковые игроки. Хусаинов — отличный футболист, выносливый, подвижный, он выполнял огромный объем работы, мог одинаково сильно играть на разных позициях. Я так играть не мог и не хотел. Если бы мне пришлось бегать по полю от чужих ворот до своих, играть в защите, чего я никогда не умел, то не хватало бы сил делать то, что мне удавалось: атаковать, обыгрывать, создавать удобные моменты партнерам, бить по воротам, забивать. Я выходил на поле играть, а меня вынуждали работать. Терпеть не мог этого слова применительно к футболу. И в жизни, и в спорте есть артисты и ремесленники. Ну скажите, почему артист должен переставлять на сцене декорации? Его дело играть. А сборная, выходит, в артистах не нуждалась. Когда определяли состав на чемпионат мира в Англию, мою кандидатуру поддержал только редактор «Футбола» Мартын Мерджанов. Обидно. Готовился я к чемпионату серьезно. Уверен, мог бы принести команде пользу.

— Многие, значит, в жизни футболиста, даже выдающегося, зависит от тренера.

— Если не все. А вы знаете, что я случайно стал футболистом? Учился я в знаменитой 35-й специализированной футбольной школе. И самым скучным предметом для меня был... футбол. Вернее, его теория. Я без особого интереса относился к математическим, физическим и прочим законам и формулам. Но уважение к ним испытывал. Знал, что, если и два умножить на два, обязательно получится четыре. Но когда на доске появлялись футбольные диаграммы и формулы, мне становилось не по себе. Я не мог понять, как можно в классе с мелом

в руках учить футболу. Ведь все решается на поле, и сама игра покажет, как надо действовать в том или ином случае. Когда же нас выпускали на поле, я словно с цепи срывался. Запах травы и вид туго накачанного мяча пьянили меня. Я начисто забывал футбольную науку и, дорвавшись до мяча, делал то, что мне нравилось.

За отставание в футбольных дисциплинах я в основной состав не попадал. Потом уже узнал, что меня, как плохого ученика, исклЮчить из школы собирались. Помог случай. Перед каким-то важным матчем кто-то заболел, кто-то бутсы дома забыл... Не выходить ведь на поле вдесятером. Вот тренер и вынужден был включить меня в состав, а перед игрой раз десять повторил: делай только то, чему тебя учили. Но, выйдя на поле, я

начисто забыл и то немногое, что в меня ежедневно вдалбливали. Зато делал то, что хотел. Получилось, наверное, неплохо: и гол забил, и команда выиграла. С тех пор и стал я основным игроком.

Какое счастье, что Пайчадзе и Федотова никто не учил играть в футбол.

— Неужели ни об одном тренере не сохранили вы добрых воспоминаний?

— Как же. С удовольствием вспоминаю Андро Жордания, Гавриила Качалина и, пожалуй, Василия Соколова.

— Почему именно этих тренеров?

— Они мне не мешали.

— Вы не забыли о Михаиле Якушине?

— Разве его можно забыть. Никто так не понимал футбол, как Якушин. Он был крупнейшим специалистом, профессионалом. А какие он

проводил тренировки, уставки на игру, разборы матчей... Это была академия. Но и он требовал, чтобы я больше черновой работой занимался или хотя бы почаще смещался в центр или на правый фланг. Но для чего? В центре лучше, чем Калоев, а справа удачнее Метревели я все равно бы не сыграл.

Я не мог покинуть свой фланг и по другой причине. После первого тайма тысячи людей вставали со своих мест и переходили на противоположную трибуну, чтобы вблизи наблюдать за моей игрой. Вы подумайте, мог я после этого уйти на правый край? Что бы я им объяснил, что тренерскую установку выполняю? Нет, я не мог обидеть своих болельщиков. (И опять невозможно было понять, говорит он всерьез или шутит).

Кроме того, Якушин не

всегда учитывал, что мы немного из другого теста сделаны. У нас ведь много друзей, родственников. Все время где-то свадьба, где-то день рождения, кто-то рождается, кто-то умирает... Могли мы остаться в стороне? Якушин все подчинял только футболу. Он и сам многого себя лишил и от нас того же требовал.

— Неужели вы и при Якушине режим нарушали?

— Как это нарушал? Вы что, в первый раз в Грузию попали? Я не нарушал, а поддерживал народные традиции. Правда, перед матчем в полном объеме программу выполнять было нежелательно. Зато когда кончил играть...

Я ведь и в этом деле очень талантливый был, восемь литров вина выпить мог.

— Рекорды ставили?

— Да. Но когда увидел,

ФАМИЛЬНЫЙ ТРЮК МИХАИЛА МЕСХИ

Все патенты на «изобретения» в футболе розданы давным-давно. Придумать что-то свое, новое, необычное во второй половине XX столетия удавалось лишь единицам, большей частью — тренерам.

Михаил Месхи — один из горсточки больших игроков, который вошел в историю футбола не просто как личность, но еще и как автор, неповторимый исполнитель собственного фирменного финта.

Своей филигранной, отточенной техникой, кошачьей мягкостью, быстротой гепарда Месхи снискал себе тысячи поклонников в нашей стране и за рубежом. Но, восхищаясь его красивыми победами в поединках с защитниками, превосходными прострелами с

флангов, как правило, находившими адресата, сильным и точным ударом, зрители тем не менее шли на матчи с участием тбилисского «Динамо» в предвкушении обязательно увидеть гвоздь программы этого великого футбольного коверного — его знаменитый финт.

В свое время об этом изобретении нашего замечательного форварда было написано немало, практически все игравшие против него защитники знали технологию осуществления финта. И тем не менее большинство на него попадались. «Волшебная сила искусства» — иначе не скажешь.

Были отсняты кинограммы, показывавшие в динамике все стадии выполнения этого сложного технического приема. Сегодня мы публикуем

фоторяд, демонстрирующий, как Месхи «испытывает» свое изобретение на защитнике бразильского клуба «Байа» Парейре, у которого тбилиское «Динамо» выиграло (4:0) товарищеский матч 21 августа 1960 года.

Комментирует снимки заслуженный мастер спорта Владимир Пономарев, бронзовый призер чемпионата мира 1966 года в составе сборной СССР, постоянный оппонент Михаила Месхи в матчах тбилисского «Динамо» и ЦСКА:

— Мне посчастливилось (это я сейчас так думаю) или пришлось (как я считал тогда) дебютировать на правом фланге обороны ЦСКА в 1963 году в Тбилиси как раз против Михаила Месхи, левого крайнего местного «Динамо». Блестящий форвард находился в расцвете сил, я же защитником был, можно сказать, начинающим, поскольку еще годом раньше играл в линии атаки. Не раз видел Месхи в игре, еще больше был наслышан о нем. Он был типичным для того време-

ни крайним форвардом, в задачу которого входило пройти по флангу, обыграть крайнего защитника и сделать прострел вдоль ворот — «попасть в голлову» Зауру Калоеву. О взаимодействии этих двух прекрасных форвардов ходило тогда немало шуток, даже анекдотов. Калоев действительно большинство своих мячей забивал головой с подач Месхи, порой создавалось впечатление, что ему оставалось только подставить голову под передачу Миши.

Тренер ЦСКА Вячеслав Соловьев объяснил мою основную задачу предельно кратко: играть на опережение, на перехватах, пресекать все попытки тбилисских игроков отдать мяч в ноги Месхи. Потому что когда мяч у него и еще есть возможность развернуться, пиши пропало — без флага отобрать мяч у него невозможно: мячом он владел просто безукоризненно, особенно левой ногой.

Мне тогда повезло, «моя» погода выпала. Перед матчем прошел небольшой дождичек,

что никто не может со мной соревноваться, стало неинтересно, и я бросил пить.

— **Время неумолимо.** 9 мая 1969 года игра в Кутаиси стала для вас последней, 284-й, в чемпионате.

— Готовясь к сезону, я не думал, что сыграю всего четыре матча.

— **Никто не думал.** Все это произошло как-то очень неожиданно. Бытует мнение, что изменение характера игры и новые задачи, связанные с выполнением большого объема работы, в том числе и оборонительных функций, которые ставили перед вами тренеры, и вынудили вас покинуть футбол.

— Это была одна из причин. Ушел я в основном из-за председателя Спорткомитета Грузии Сихарулидзе, почему-то невзлюбившего меня. Он постоянно оказывал давление на тренера Гиви

Чохели, с которым мы играли вместе не один год. Я Гиви не виню. Он, как мог, защищал меня. Но разве перед такими людьми устоишь? В общем, меня перестали включать в состав. Пришлось уйти.

Часто вспоминаю слова одного югославского тренера, который говорил, что у ветеранов играют и голова, и ноги, а у молодых — только ноги. Не сомневаюсь, что при более бережном отношении к ветеранам я года два-три смог бы еще поиграть.

— **И все же в составе тбилисского «Динамо» вам пришлось через два с небольшим месяца провести еще один матч, международный.**

— Произошло это неожиданно, в связи с приездом в Тбилиси чемпиона Уругвая — «Насьоналя». Кому-то наверху, видимо, неловко было передо мной. Вот и решили

после игры устроить торжественные проводы. Я уже давно не тренировался, но желания показать, чего еще стоит Михаил Месхи, было в избытке. Говорят, получилось неплохо. Во всяком случае уругвайские чемпионы смогли на практике ознакомиться с финтами Месхи.

Как только кончился первый тайм, ребята подхватили меня на руки и понесли. Уругвайцы сначала подумали, что у нас традиция такая — уносить на руках лучших игроков. Они слышали, что кого-то собираются провожать, но не думали, что меня. Когда тренеру «Насьоналя», бразильцу Зезе Морейра, объяснили, что я ухожу из футбола, он в недоумении развел руками: «Он уходит, а эти остаются?» Так они ничего и не поняли. Если честно, то я до сих пор и сам ничего не понял, кроме того, что меня

не проводили, а скорее вы- проводили из футбола.

Уругвайская тема, как и некоторые другие, в интервалу двенадцатилетней давности не попала. А завершилось оно так: «Несмотря ни на что, Месхи остался в футболе. Много лет руководит он детской футбольной школой «Аваза», из которой уже вышли Джохадзе, Жвания, Джоржикашвили, Месхи-младший... Хочется верить, что тренеры этой школы сумеют отыскать ярких, самобытных ребят и не помешают развиваться их таланту и достичь таких футбольных высот, какие сумел покорить Михаил Месхи».

Фраза, казавшаяся в момент написания вполне нормальной, в действительности не выдерживает критики. Разве можно воспитать футболиста масштаба Михаила Месхи? Им можно только родиться.

Аксель ВАРТАНЯН.

трава слегка намочка, и я в своих подкатах летал по ней, как по льду, а когда проигрывал позицию, с помощью этих самых подкатов все же доставал Месхи. В общем, выключил его из игры: не то что удара по воротам, ни одного прострела ему в том матче, завершившемся нулевой ничьей, сделать не удалось.

При приеме мяча я оказывался чуть-чуть быстрее, старался плотнее держать Мишу и успевал отбивать летевшие к нему мячи. А без мяча он играть не мог, на него, словно хандра, тоска находила сразу.

В общем, я завоевал уважение Месхи, и он ни разу не пытался применить против меня свой коронный финт. Познакомился я с его «фирменным блюдом» во время совместных тренировок в сборной СССР. Миша очень любил это свое изобретение и очень много над ним работал. Не раз отработывал его и на мне, просил противодействовать ему. Отсюда и мое знание всех подробностей. Необычный, красивый, эффек-

тный был финт, а со стороны выглядел просто цирковым трюком, хотя и не всегда получался. Фотографии воскрешают его во всех деталях.

На первом снимке видно, как Месхи готовится, начинает заход для выполнения финта. Всем своим видом он показывает, что собрался идти с мячом не по краю, а к середине поля, делает резкий выпад левой ногой в этом направлении, и корпус как будто отправляет следом за ней, мяч тем временем сохраняя под голеностопом правой ноги.

На снимке заметно, что защитник (бразилец!) уже повел Месхи, естественно, он тоже делает шаг, предпринимаемая ускорение в том же направлении. В этот момент Миша неуловимым резким движением правой стопы проталкивает мяч защитнику между ног (как на снимке) или же мимо опорной правой ноги защитника, а сам оббегает справа, оставляя соперника у себя за спиной, делает, как всегда, «зрячий» прострел «в голову»

Калоеву. Чаше Месхи старался протолкнуть мяч между ног защитника, сокращая себе дистанцию до встречи с мячом.

Против меня, повторяю, Миша свое изобретение не использовал, уважал... Но когда мы уже закончили выступление, как-то встретились в составах команд ветеранов на том же переполненном тбилисском стадионе «Динамо». Против сборной Москвы играл весь прежний цвет тбилисцев — Михаил Месхи, Слава Метрели, Заур Калоев, Владимир Баркая, Шота Яманидзе, Борис и Георгий Сичинава...

От Месхи публично, как всегда, ждала его знаменитого финта. Но Миша был уже в возрасте, обзавелся даже небольшим животиком, утратил былую легкость. Чувствуя обстановку (не стоит обманывать ожидания собравшихся, матч товарищеский), я, когда Месхи получил мяч и пошел на меня, кричу ему: «Миша, делай свой финт!» А он в ответ: «Ой, Володя, не могу, уж очень я устал... Я — ему: «Ну

сделай как-нибудь, через силу, народ требует!» И вот когда мяч прокатился мимо моей правой ноги (а для большего эффекта я всем телом подался вперед) и Миша догнал его в полтора метрах за моей спиной, трибуны в едином порыве выдохнули: «Ввахх...» И тут же вспыхнула бурная овация.

Часто свой коронный финт Месхи применял, выступая за сборную, причем очень эффективно, поскольку наши соперники не подозревали об этом его трюке. Особенно восторженно принимала его бразильская публика, мгновенно полюболюбившая его за виртуозную технику, признававшая в нем «своего», истинного мастера.

Часто вспоминаю свои встречи с Месхи на поле. В 1969 году, опять же на тбилисском стадионе «Динамо», он, уже будучи на сходе, все-таки переиграл меня, успел сделать голевой прострел... ЦСКА проиграл тогда — 0:2.

Миша был замечательным игроком, но, если игра у него не получалась, страшно ругал своих партнеров, всех на свете. Как-то я играл против него в кубковом матче в Лужниках по обыкновению плотно, и в один из моментов, когда ему показалось, что наконец-то мяч у него в ногах, я резким выпадом, как шпагой, успел так выбить мяч подальше. С досады он замахнулся, как бы для удара мне по ногам, я подпрыгнул и упал. Судье же показалось, что Месхи умышленно сбил меня (а я не сознался), и он удалил Мишу с поля. Потом я извинился перед ним за этот эпизод, но он и так зла не держал ни на меня, ни на кого вообще. Добрый, душевный был человек.

Павел АЛЕШИН.

